

Нормы и источники международного права в правовой системе Российской Федерации

С.Ю. МАРОЧКИН*

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. в ст. 15.4 впервые установила в нашем праве следующую норму: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Это — не просто конституционная норма, а норма высшего порядка — общеправовой принцип (для *prava* России) и одна из основ конституционного строя Российской Федерации. До этого отечественное законодательство лишь в разрозненных актах содержало отсылочные нормы и нормы о применении правил международных договоров в *сnyxae* их коллизии с внутренним правом. Принцип добросовестного выполнения международных обязательств, содержащийся в Конституции СССР, не решал проблемы конкретных способов (путей) такого выполнения. Правовая система страны в целом не была настроена на нормальное повседневное соседство и взаимодействие норм внутреннего и международного права (далее — МП).

Как отмечается в научной литературе, применение норм МП во внутригосударственной сфере не было фрагментарным и случайным, а судебная практика — мизерной, или «фактически отсутствовавшей».¹ Данные утверждения позволяют оспаривать и исследование в ряде общесоюзных министерств и ведомств организации исполнения международных договоров, а также периодические обобщения судебной практики, проводившиеся министерством юстиции. Соответственно и теория МП в многолетней дискуссии о возможности или невозможности непосредственного действия норм МП в сфере внутреннего права не смогла обогатить практику единой концепцией.

Интересно отметить, что кажущиеся несовместимыми позиции сторонников трансформации и прямого действия норм МП не являются в действительности абсолютно противоположными, более того, имеют ряд точек соприкосновения. Можно предположить, что в этом вопросе нет непреодолимых препятствий для сближения взглядов и понимания друг друга.

До принятия действующей Конституции РФ возможность включения норм МП в правовую систему Российской Федерации отрицалась рядом исследователей. Первые стремились подчеркнуть, что использование и применение судами, физическими и юридическими лицами норм МП не меняет их международно-правового характера, содержания, что они не инкорпорируются в национальное право, не преобразуются во внутригосударственные законодательные нормы, а применяются на территории государства в том же объеме, что и в МП. Вторые доказывали, что в сфере

---

* Кандидат юридических наук, доцент Тюменского государственного университета.

© С.Ю. Марочкин, 1997.

¹ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 273; Конституция Российской Федерации: Комментарий. М., 1994. С. 118.

внутреннего права могут действовать только его нормы, а внутригосударственные органы руководствуются исключительно ими.

2. Е.Т. Усенко и после принятия Конституции 1993 г. считает неуместным и ошибочным ее положение о нормах МП как составной части правовой системы России. По его мнению, достаточно было сказать: «...являются составной частью права Российской Федерации». Нормы МП, подчеркивает он, «сохраняют автономность в отношении к внутренней системе права в целом», связь с породившим их международным договором а должны толковаться на основе договора, а не внутреннего права и его системы. Сходную позицию имеют а авторы учебника по теории права.²

Очевидно, и Е.Т. Усенко, и другие смешивают понятия права (его системы) и правовой системы. Более того, трудно совмещаются отстаиваемые в данной позиции утверждения о «составной части права» и в то же время — Об «автономности, обособленности по отношению к праву» норм МП.

Нормы МП как выражение согласованных позиций и воли ряда государств, а не воли одного государства (как нормы его собственного права) должны толковаться и исполняться государствами, в том числе и во внутригосударственной сфере, с точки зрения объекта и целей договора, целей и принципов МП в целом, а не внутреннего права. Это — ясное и общепризнанное положение международного договорного права. Прежде всего в силу данного положения нормы МП вряд ли обоснованно рассматривать как составную часть внутреннего права. Они не мсняют своей природы, формы и в этом смысле являются «иностраным телом» по отношению к нормам внутреннего права.

Ни один внутригосударственный акт независимо от характера и содержания (акт инкорпорации, рецепции, трансформации), обеспечивающий выполнение государством своих международных обязательств, не способен изменить природу норм, их особенные цели, содержание, форму и т. д. Этого и не требуется — государство осуществляет и обеспечивает выполнение именно норм МП. И посылка, что инкорпорируемая норма изменяет свою природу и рассматривается субъектами внутреннего права в качестве нормы национального права,³ воспринимается как недоразумение. В любом случае она мало согласуется с практикой применения норм МП, которые толковались и принимались судами и другими органами как нормы иного, не внутреннего, права. В сущности, в этом и состоит назначение такого способа исполнения международных обязательств, как отсылка к нормам МП: «Она делается постольку, поскольку эти нормы остаются нормами того именно правопорядка, на который делается ссылка, остаются ими также и с точки зрения того правопорядка, от которого делается ссылка».⁴

3. Центральным вопросом общей проблемы «нормы МП как часть правовой системы России» представляется вопрос Об их природе и месте среди норм внутреннего права.⁵ Но хотя различны исходные позиции, аргументы, следствием являются выводы, главный из которых состоит в том, возможно или нет непосредственное действие норм МП во внутригосударственной сфере.

Вопрос о возможности непосредственного действия норм МП во внутренней сфере вызывал раньше полярные ответы: от категорического «нет» (В.Г. Буткевич, С.В. Черниченко, В.А. Василенко, А.Л. Маковский со ссылками на исследователей в сфере МЧП Л.А. Лунца, К.Ф. Егорова, О.П. Коровину) по однозначного «да» (И.П. Блищенко, М.М. Солнцева и др.). Многие исследователи, говоря о возможности непосредственного действия, подчеркивали при этом, хотя и по-разному, необходимость санкции государства: «генеральная трансформация», «юридические основания применения» и т. д. Их позиция порой неточно толкуется как «сквозное», автоматическое, помимо воли государства действие норм МП на его территории.

² Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного а национального права и Российской Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 18; *Общая теория права: Учебник для юридических вузов* / Под ред. А.С. Лиголкина. М., 1995. С. 191.

³ Каланда Р.А. О трансформации норм международного права в правовую систему Российской Федерации: Конституционно-правовой анализ // Московский журнал международного права. 1994. № 3. С. 22.

⁴ Анцолотти Д. Курс международного права. Т. 1. М., 1961. С. 73.

⁵ См., напр.: Игнатенко Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 75; Черниченко С.В. Международное право: Современные теоретические проблемы. М., 1993. С. 127.

Пожалуй, никто из сторонников прямого действия не имеет это в виду. В силу суверенитета государства в его правовой системе юридическое значение имеют только те нормы, действие которых санкционировано им. Для непосредственного применения международных договоров на территории государства нужны правовые основания, т. е. санкции государства.⁶ В этом смысле непосредственное действие норм МП во внутригосударственной сфере, безусловно, есть опосредованное действие, как настаивают сторонники «трансформации».

После принятия Конституции РФ 1993 г. обсуждение проблемы действия норм МП в правовой системе Российской Федерации рассматривается в основном не на уровне «возможно или нет», а в плоскости практических вопросов применения.⁷ Хотя и сейчас напоминают об «объективных границах» МП, за которые якобы не распространяются его регулирующие возможности, МП действует на территории государства как его субъекта, но не во внутригосударственной сфере.⁸

Несколько заданной выглядит вся достаточно объемная конструкция с исходной посылкой об «объективных границах» МП, из которой выводится ряд положений: «границы» неизменны, пока существуют межгосударственные отношения; МП и внутреннее право действуют в разных плоскостях и реализуются в разных сферах; МП регулирует межгосударственные отношения, а внутреннее право — внутригосударственные и международные отношения негосударственного характера; и, как следствие всего, невозможно напасте постановка вопроса о действии МП во внутригосударственной сфере. Может быть, даже само опасение разрушения однажды «возведенных» границ сильнее и не позволяет взглянуть на них с иной точки.

Вполне допустимо, что категория «объективных границ» (весьма узкий круг объекта регулирования — межгосударственные отношения и соответствующий строго ограниченный круг субъектов) справедлива и обоснованна для определенного этапа развития МП, когда единственными его субъектами были государства. Но с течением времени в этот круг постепенно были включены международные организации, государстоподобные образования, борющиеся за независимость нации.

Еще не подходит с той же позиции «неизменности объективных границ», то отношения между названными субъектами уже нельзя, строго говоря, именовать межгосударственными. Здесь мы допускаем определенную условность и не закрываем глаза на реально происходящие процессы, но почему-то останавливаемся на этом рубеже, не желая видеть дальнейшего развития, и объявляем границы неизменными.

Нет необходимости рассуждать о взаимосвязанности мира, о неуклонном развитии и интенсификации международных отношений, о появлении все новых объектов регулирования — это очевидно и общепризнанно. Не менее очевидно и то, что все это неизбежно сопровождается настолько активным развитием взаимодействия правовых систем вплоть до взаимопереходов, что объекты регулирования МП и внутреннего права нередко совпадают, а некогда традиционно и исключительно «внутренние дела» государств перестают быть только предметом внутреннего права.

Взаимозависимости государств, тесно переплетенных мировых связей не может быть, если возводить «объективные и субъективные границы» между правовыми системами. Кто вообще утвердил неизменность таких границ? Думается, они всегда были подвижными. И утверждение, что МП действует на территории государства как его субъекта, но не во внутригосударственной сфере, вряд ли поддается уяснению.

Пока в теории устанавливают и обосновывают границы, на практике нормотворческие и правоприменительные органы, все субъекты внутреннего права используют нормы МП и ссылаются на них. На различных семинарах, симпозиумах, конференциях обсуждается, как это делать лучше, появляются практические посо-

⁶ Ср.: Суворова В. Я. Реализация норм международного права. Екатеринбург, 1992. С. 20—21.

⁷ См., напр.: О применении норм международного права правоохранительными органами Российской Федерации (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 1996. № 5; Российская правовая система и международное право: Современные проблемы взаимодействия (Материалы всероссийской научно-практической конференции) // Там же. 1996. № 2—4.

⁸ Каландя В. А. О трансформации норм международного права в правовую систему Российской Федерации. С. 15.

бия для судей. Во всех случаях речь идет не о нормах внутреннего права, а о нормах МП, которые используются и применяются как воплощение воли своего государства в договорной форме, о чем свидетельствует также судебная и арбитражная практика СССР.⁹

«Объективные границы» МП не являются непреодолимыми. Ничто не мешает государству в силу его суверенитета распространить действие им же согласованных и принятых норм МП в сфере внутреннего права для регулирования отношений с участием организаций и индивидов. Волею государства, выраженная иным (не законодательным, а договорным) путем, в равной мере может быть обязательной в сфере внутренней юрисдикции с санкции государства.

Такое регулирование зачастую экономичнее и эффективнее, чем «преобразование» этих норм во внутренние и изменение законодательства в соответствии с ними, например, в ситуациях, когда внутригосударственный закон создает один и общий для всех режим, а серия двусторонних договоров с рядом государств создает специальный режим, отдельный для каждого из них.

4. Включение норм МП в правовую систему России изменяет ее содержание и неизбежно должно повлиять на ее характеристику в теории.

Правовая система Российской Федерации — это комплекс всех правовых явлений не только внутригосударственных, но и связанных с МП. Она включает правовые нормы, действующие в стране (право Российской Федерации, а также нормы МП и иностранного права с санкции государства), правовую деятельность (деятельность всех органов, учреждений и субъектов по созданию и/или реализации правовых норм) и правовые масн, представления, теории, взгляды, доктрины (правосознание в широком смысле). Данное определение, возможно, будет способствовать развитию в общей теории права более широкого взгляда на правовую систему государства как не суверенно-замкнутую, изолированную «объективными границами», а сосуществующую и взаимодействующую с международной правовой системой.

Включение норм МП в правовую систему влияет на ее структуру, а также на взаимодействие между элементами. Иными словами, речь идет о значении норм МП в структуре правовой системы (в статике) и в воздействии на ее компоненты (в динамике). Что касается структуры, то нормы МП «пополняют» нормативный массив правовой системы Российской Федерации. Это не значит, что они становятся частью права Российской Федерации, но совместно с нормами внутреннего права они выполняют регулирующую функцию. Нормы МП воздействуют на все компоненты правовой системы — на совокупность правовых норм Российской Федерации (статическую, системообразующую ее часть), а также на правоотношения, правовую деятельность в целом, правосознание, правовую идеологию (на динамическую часть).

Отсюда видно, что роль норм МП в правовой системе не ограничивается только их применением в юридической практике для регулирования правоотношений. Соответственно исследоваться должна не только проблема применения, как она порой обозначалась раньше, но и значительно более широкая проблема действия норм МП в правовой системе Российской Федерации. Оно (действие) включает все формы их функционирования в правовой действительности, взаимодействие со всеми элементами правовой системы.

5. Вопрос о месте норм МП в правовой системе России имеет логическое продолжение: как соотносятся формы их выражения (источники) с источниками внутреннего права, могут ли одни быть источниками другого права? Этот вопрос представляет не только (и не столько) сугубо академический интерес, но и имеет юридическое значение и последствия. От его решения зависит соотношение юридической силы норм МП и законодательства во внутригосударственной сфере, а также то, по каким принципам разрешать возможные коллизии между ними. Всероссийская научно-практическая конференция «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» в числе принятых по итогам рабо-

⁹ См., напр.: *Арбитражная практика. Часть IV. Решения Внешнеторговой арбитражной комиссии 1963—1965 гг.* М., 1972; *Торгово-промышленная палата СССР. Материалы секции права.* Вып. 37. М., 1986; Вып. 38. М., 1988, и др.; *Марочкин С.Ю.* Юридические основания и практика применения судами международных договоров при разрешении гражданских споров // *Исполнение международных договоров СССР. Вопросы теории и практики.* Свердловск, 1986.

ты рекомендаций отметила необходимость исследования соотношения и взаимосвязи закона и иных нормативных актов с системой источников МП.¹⁰

Конституция РФ закрепила не только нормы МП как часть правовой системы, но и их источники (ст. 15: «международные договоры», «общепризнанные нормы»). Многие общепризнанные нормы существуют в форме обычных норм МП, поэтому можно говорить об упоминании в Конституции РФ такого источника МП, как обычай.

Отсюда вытекает, что определенное юридическое значение в правовой системе Российской Федерации имеют и формы выражения норм МП. Но какое?

6. Общая теория права в ее традиционной ориентации только на внутригосударственную правовую систему не дает, к сожалению, точных ориентиров, во-первых, потому, что выводимое ею понятие источника права не имеет общетеоретического значения. Источник права в той или иной форме связывается с выражением воли данного государства, что вряд ли точно как во внутреннем аспекте (не все источники внутреннего права есть выражение воли государства), так и в аспекте взаимодействия правовых систем. Во-вторых, о таких источниках, как обычай и прецедент, теоретики говорят лишь применительно к внутреннему праву. Причем далеко не все выделяют договор как источник даже во внутреннем значении.

В учебнике под редакцией А.С. Пиголкина источники МП включаются в число источников права государства: «В Российской Федерации источниками права признаются договоры нормативного содержания, среди которых важное место занимают международные договоры». Но здесь заметим, что при характеристике нормативных актов их юридической силы в пособии говорится только о внутригосударственных актах.¹¹

С.Л. Зивс верно отмечает, что источники МП образуют свою собственную систему, автономную по отношению к системе источников национального права, и можно было бы говорить о двух разнопорядковых системах источников. Но фактически он сам противоречит себе, заключая, что для всех норм МП, предназначенных для реализации в сфере внутреннего права, необходимо превращение в нормы национального права, в том числе для «унифицированных норм» МП, а также для актов МП, которые могут быть целиком преобразованы в акты национального права. В качестве примера он приводит Общие условия поставок товаров между организациями стран — членов СЭВ 1968 г. (ОУП СЭВ), которые после утверждения стали «также внутригосударственным нормативным актом».¹²

Такое утверждение не согласуется с оценкой правовой природы в литературе и практике подобных норм и соглашений, в данном случае ОУП СЭВ, которые характеризуются именно как международный договор, положения которого обязательны для выполнения сторонами контракта. Более того, в материалах Внешнеторговой арбитражной комиссии (далее — ВТАК) подчеркиваются особая роль международных договоров и их отличие от законодательства: «При разрешении вопроса о применении праве Внешнеторговая арбитражная комиссия исходит из определенного критерия, основанного на положениях, относящихся к области международного частного права и содержащихся в нормах советского законодательства и в заключенных СССР международных договорах». И далее: применение общих норм гражданского права не допускается, если спорный вопрос регулируется нормами ОУП СЭВ.¹³

Вывод С.Л. Зивса небезупречен и с точки зрения правовых принципов соотношения нормативных актов. Коллизии актов одной правовой системы разрешаются в соответствии с принципами *lex superior derogat interior*, *lex posterior derogat priori*, *lex specialis derogat generalis*. Причем первый из них имеет преимущественное значение, два последних применяются только к актам одного уровня. Если бы международные договоры, в частности ОУП СЭВ, становились внутригосударственными нормативными актами, то их соотношение с законодательством страны подчинялось бы указанным принципам. Практика применения ОУП СЭВ, однако, свиде-

¹⁰ Государство и право. 1996. № 4. С. 46.

¹¹ Общая теория права. С. 169—175.

¹² Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 225—226.

¹³ Галенская Л.Н. Международное частное право. Л., 1983. С. 86; Рамзайцев Д.Ф. Практика Внешнеторговой арбитражной комиссии по вопросам международного частного права // Материалы секции права. 29. М., 1976. С. 3, 6—7.

тельствует об ином: они воспринимались именно как международный договор (а не внутренний акт), соответственно их взаимодействие с законами основывалось не на данных принципах, а на основном принципе соотношения МП и внутреннего права: *pacta sunt servanda*. В практике нашей страны он имел преимущественное значение перед односистемными коллизионными принципами.

Дела, рассмотренные во ВТАК при ТПП СССР, и принятые там решения ясно показывают установившуюся последовательную практику: применению подлежали прежде всего ОУП СЭВ, и numb в той мере, в какой ВТАК при ТПП использовала гражданское законодательство. Иными словами, выбор определялся не принципом *lex superior*; т. е. не в пользу закона как акта более высокого иерархического уровня с точки зрения принявшего его органа, а ОУП СЭВ — акта, введенного в действие приказом Министра внешней торговли.¹⁴

В практике ВТАК не применялся и принцип *lex posterior*, приоритет имел межсистемный принцип международно-правового приоритета норм — *pacta sunt servanda*.¹⁵

Имело свои особенности и применение принципа *lex specialis*. Гражданское право стран предприятий-контрагентов рассматривалось в практике ВТАК как общее право, ОУП СЭВ — как специальное. Но принцип *lex specialis* не «включался» автоматически, как в отношениях между односистемными нормами, а только по прямому указанию акта одной системы (МП) в отношении акта другой системы (внутреннего права), — в каких случаях действует общее или специальное право. Больше того, в силу положений международного договора *lex specialis* может уступать место *lex generali*. Из практики ВТАК можно заключить: международные договоры не «становятся» внутригосударственным нормативным актом, не включаются в систему источников внутреннего права; их отношения с последними строятся не на односистемных коллизионных принципах, а на межсистемном принципе приоритета МП. А priori можно предположить также, что преимущество принципа *pacta sunt servanda* перед односистемными принципами коллизий *lex superior*; *lex posterior* и *lex generali* в практике нашей страны имеет общеправовое значение.

7. Неоднозначно оценивается соотношение источников МП и российского права в международно-правовой литературе. Ряд исследователей (В.Ф. Мешера, Т.П. Гревцова, И.П. Блищенко, М.М. Солнцева, Э.М. Амелистов) рассматривают источники МП как один из видов источников внутреннего права. Фактически такой же общий вывод о международных договорах как источнике внутреннего права применительно к МЧП делают М.М. Богуславский и А.Л. Маковский, когда первый говорит о «двойственном характере» источников МЧП и о безусловной необходимости преобразования международно-правовых норм в нормы внутреннего права, а второй — о том, что «унифицированные нормы международных договоров — не нормы МП, а “будущие” нормы национального права», обосновывая это особенностями субъектов, характера регулируемых отношений, способов осуществления норм. Но в обоих случаях авторам приходится тут же оговаривать «автономное положение» таких норм и договоров во внутренней правовой системе.¹⁶

Развитие взаимодействия и сближения правовых систем ведет к унификации права. Обеспечение унификации — основная задача МП. Удельный вес и сфера «унифицированных норм» МП, более того, целых актов и международных договоров растет. Сейчас они охватывают не только частноправовые, но и публичные отношения. Реальные очертания обретает единое правовое пространство в рамках региональных структур, наиболее яркий пример такой структуры — ЕС. Определенные тенденции в унификации права наблюдаются в рамках СНГ. В первый год после его образования приняты два акта в направлении унификации права: 1) «Основные направления сближения национальных законодательств государств — участников Содружества», где очерчиваются приоритетные сферы усилий в унификации права и одним из способов решения проблемы называется разработка модельных (рекомендательных) проектов законодательных актов; 2) «Соглашение о принципах сближения хозяйственного законодательства государств — участников Содружества», в ко-

¹⁴ Кабатова В. Из практики ВТАК при ТПП СССР // Внешняя торговля. 1980. № 7. С. 46.

¹⁵ Арбитражная практика. Ч. IV. С. 32—36.

¹⁶ Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1994. С. 48; Международное частное право: Современные проблемы. М., 1994. С. 108—112.

тором обозначаются направления унификации в конкретной сфере (стороны при проведении законодательной работы должны исходить из общепризнанных норм МП (ст. 6), сближение законодательства будет осуществляться с учетом заключенных соглашений и международных договоров (ст. 5)). На договорном уровне согласован принцип взаимоотношения МП и внутреннего права государства: Содружество: соглашения в рамках СНГ и международные договоры «имеют приоритет по отношению к национальному законодательству Сторон» (ст. 5).

«Унифицированные нормы» международных договоров — особые нормы МП. Они предназначены в конечном итоге действовать во внутриправовой сфере для регулирования отношений субъектов внутреннего права (нормы договоров о правовой помощи, о сотрудничестве в области социального обеспечения, о вопросах гражданства, о избежании двойного налогообложения и др.). Вместе с тем как часть унификационного международного договора они регулируют и отношения между его участниками — взаимную обязанность обеспечить или создать правовой режим для действия договорных норм в национальной правовой системе. Такие нормы не «изымаются» из договоров, не переходят в разряд норм внутреннего права. Подчеркнем еще раз: юридическое значение имеет и форма их существования — международный договор. В процессе действия и применения этих норм важную роль играют и другие, вспомогательные, нормы договора — о целях, принципах, понятии терминов, компетенции органов, временных, пространственных и субъектных рамках, процедурно-процессуальных моментах. В итоге данные нормы занимают автономное положение в правовой системе страны с точки зрения их происхождения, способа образования, формы, отношения к национальному праву. Это — нормы иного права, другой природы, других источников. И нет необходимости усложнять ситуацию, объявляя их уже «не нормами МП», но еще не нормами внутреннего права («будущими нормами»).

8. Некоторые специалисты не согласны с наделением источников МП качествами источников внутреннего права. Противниками такого подхода являются Т.В. Игнатенко, Р.А. Миоллерсон, А.Н. Талалаев. Они подчеркивают, что источник права — элемент соответствующей правовой системы; у МП и внутреннего права как самостоятельных правовых систем эти элементы различны. Международные договоры можно было бы рассматривать как источник внутреннего права только в том случае, если бы они действовали в стране *proprio vigore*, в силу предписаний самого МП. Мы разделяем данную точку зрения. Ведь когда говорится о взаимодействии национальных правовых систем и о применении норм иностранного права в другой системе, вовсе не имеется в виду, что они включаются в национальное право или превращаются в *et* нормы. Им просто придается юридическое значение в иной системе. Наделяя юридическим значением иностранные правовые нормы, право данной страны рассматривает их *вмешно* как иностранные.¹⁷

Несколько противоречивой видится позиция Е.Т. Усенко. С одной стороны, он выступает за то, чтобы в Конституции РФ было закреплено, что международные договоры являлись частью права Российской Федерации, с другой — он не согласен, что «в нашей Конституции любой договор, заключенный Российской Федерацией, объявляется источником российского права».¹⁸

Строго говоря, договоры не объявляются Конституцией РФ источником права России. Более того, называя их частью правовой системы, она вообще не обозначает их места в ряду источников внутреннего права, помещает их как бы вне такого ряда. Иными словами, источники МП занимают обособленное положение в нормативной части правовой системы Российской Федерации, соседствуя и действуя совместно с источниками внутреннего права, но не «вливаются» в общий массив. Конституция РФ подтверждает это положение, давая ответ на неизбежно вытекающий отсюда вопрос о соотношении юридической силы источников, о принципе преодоления коллизий между ними: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15).

¹⁷ Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 10, 61.

¹⁸ Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 18—19.

Конституция соответственно ее уровню достаточно обстоятельно характеризует систему источников права Российской Федерации: называет *их* виды; определяет иерархию, *в том числе* между федеральным и региональным уровнями; условия применения; соотношение *с* правами человека; конкретную форму выражения *тех или иных норм или режимов*; некоторые правила действия *во времени, в пространстве и по кругу лиц*; сферу федерального и регионального законодательства; компетенцию *высших* органов государственной власти *в отношении* принятия и действия нормативных актов; полномочия судебной власти *по обеспечению* действия законодательства; исходные начала правотворчества местного самоуправления.

Во всех случаях Конституция РФ имеет *в виду* только те источники, на которые распространяется односторонняя компетенция государственной власти или местного самоуправления, *т. е.* источники внутреннего права *в собственном смысле* слова: законы, указы Президента, постановления Правительства, законы *и* иные нормативные акты субъектов Федерации, акты местного самоуправления. Но Конституция РФ *не* включает *в этот круг* источники МП, *о них* говорится отдельно и более сжато: определяются общий принцип соотношения *с* внутригосударственными источниками, вопросы, решаемые *в соответствии с* МП, некоторые полномочия государственных органов *по заключению* договоров. В развитие Конституции РФ текущее законодательство, устанавливая правовой режим *в конкретных сферах*, также отдельно очерчивает роль внутренних источников (законов, иных актов) и внешних (МП) в регулировании конкретных вопросов, их соотношение друг с другом.

9. Из послышки, *что* нормы МП *в процессе их действия* *в правовой системе* Российской Федерации *не становятся* внутренними правовыми нормами, а источники МП — источниками российского права, вытекают важные с практической точки зрения выводы.

Нормы и источники МП занимают обособленное положение *в нормативном массиве* правовой системы Российской Федерации, функционируя наряду *с* российским правом. Они должны толковаться и применяться *в соответствии с* целями и принципами МП *и* конкретного договора, *с* установленными *в нем* временными, пространственными и субъектными пределами действия, *в контексте* значения используемых *в нем* терминов, а *не с точки зрения* ориентиров внутреннего права. На это нацеливают международные договоры, и прежде всего базовый документ международного договорного права — Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., содержащая целый ряд положений, направленных *на* обеспечение единообразного толкования и применения договоров государствами-участниками. Статья 26 Конвенции раскрывает содержание принципа *pacta sunt servanda*. Согласно ст. 27 («Внутреннее право *и* соблюдение договоров») участник *не может* ссылаться на положения своего внутреннего права для оправдания невыполнения договора. Статья 31 обязывает толковать договор *в соответствии с* обычным значением используемых терминов, а также *в свете его* объекта и целей. Для толкования терминов *в их контексте* Конвенция предусматривает возможность использования дополнительных средств толкования (ст. 32, 33).

Еще один вывод, который выглядит пока как теоретическое положение и который должен быть предметом специального исследования *с* позиции права *и* практики: *в* правовой системе России источники МП *не стоят в* одном ряду *с* источниками внутреннего права *с точки зрения* иерархии, соотношения их юридической силы.¹⁹

Предложенное выше понимание места источников МП *в* правовой системе России *дает возможность* сформулировать следующее: источники права *в* правовой системе Российской Федерации — внешняя форма норм российского права, а также норм международного и иностранного права, действующих *в* стране *с* санкции государства.

¹⁹ Подробнее см.: Марочкин С.Ю. Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права *в* правовой системе Российской Федерации // Российский юридический журнал. 1977. № 2.